

А.Е. Строк (Москва, Россия)

Взаимодействие готической литературной традиции с популярной викторианской философией в рассказе Э. Булвер-Литтона «Привидения и их жертвы, или Дом и разум»

Аннотация: В статье анализируется рассказ Э. Булвер-Литтона «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» (1859) и его связь с такими актуальными для викторианской эпохи философскими течениями, как спиритуализм, позитивизм и эмпиризм. Обращаясь к форме готических произведений и сохраняя элементы ужаса и тайны, писатель в значительной степени переосмысляет готическую традицию, используя устоявшиеся каноны для выражения философских тенденций современности.

Ключевые слова: Эдвард Булвер-Литтон, готика, готическая традиция, спиритуализм, сверхъестественное, гносеология, викторианская эпоха

A. Ye. Strok (Moscow, Russia)

The Intertwining of Gothic Literary Tradition and Popular Victorian Philosophy in E. Bulwer-Lytton's Short Story "The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain"

Abstract: The article analyses E. Bulwer-Lytton's short story "The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain" (1859) and its connection to the key philosophical movements of Victorian age, such as spiritualism, positivism and empiricism. Adopting the formal features of Gothic fiction and retaining the elements of horror and mystery, the author reinterprets the Gothic tradition completely, using established literary conventions to express the philosophical tendencies of his era.

Key words: Edward Bulwer-Lytton, Gothic, Gothic tradition, spiritualism, supernatural, epistemology, Victorian era

В Великобритании готическая литература оказывается наиболее востребованной среди читателей на рубеже XVIII–XIX вв. Первым готическим романом принято считать «Замок Отранто» («The Castle of Otranto», 1764) Х. Уолпола (1717–1797), а завершение эпохи «классической» готики в литературоведении связывают с романом «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820) Ч.Р. Метьюрина (1782–1824). Однако было бы несправедливо утверждать, что готическая традиция оказалась неактуальной для последующих эпох. В середине XIX в. она

вступает в диалог с новыми литературными направлениями. Авторы нередко обращаются к уже известным широкой публике формам готического романа, готической драмы и рассказов о привидениях, однако вкладывают в содержание более современные идеи. В этом плане показателен рассказ «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» («The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain», 1859) Э. Булвер-Литтона (1803–1873), чьи сочинения пользовались особенной популярностью в викторианскую эпоху.

Творчество Булвер-Литтона стоит рассматривать в совокупности с идейными и духовными исканиями автора, среди которых важную роль играет интерес к спиритуализму. Эссе «О духе, в котором следует воспринимать новые теории» («On the Spirit in which New Theories Should Be Received», 1863) подтверждает, что для Булвер-Литтона спиритические сеансы, постепенно становящиеся центром общественного внимания, являются предметом научного исследования. Писатель стремится выработать определенную методологию. В эссе он утверждает, что исследователь обязан оставаться непредвзятым при выборе методов познания, особенно в тех случаях, когда изучаемые явления выходят за рамки привычных убеждений. При поиске истины не стоит отвергать странные или даже приводящие в ужас способы приближения к ней: «Человек любит что-то больше, чем истину, если он отказывается исследовать гипотезу, претендующую на воплощение новой истины, какой бы непривычной для его убеждений, какой бы противоречащей его теориям она ни была» [Bulwer-Lytton 1864: 139]. Способность выйти за рамки привычного опыта позволяет перестроить восприятие и взглянуть на объект исследования с другого ракурса. Примечательно, что и готическая литература, в противоположность рациональным подходам эпохи Просвещения, уверяет читателя, что вселенная не ограничивается естественными явлениями и для утоления жажды познания мира необходимо уделять внимание и сверхъестественному. «Готическое как часть предромантического возникло в период угрозы чрезмерной интеллектуализации, бурного промышленного развития, грозившего уничтожить воображение как праздную игру ума, заглушить чувствительность индивида» [Соловьёва 1988: 85]. Эпистемологические установки последователей спиритуализма, авторов готических романов и Булвер-Литтона как писателя во многом схожи, так как все они связаны с необходимостью синтеза разума и воображения при попытке изучения явлений, не поддающихся научному объяснению.

Если учесть серьезное внимание Булвер-Литтона к гносеологии, рассказ «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» стоит рассмотреть как произведение, выходящее за рамки привычного жанра истории о привидениях. Вероятно, для писателя форма готического повествования служит способом демонстрации собственных размышлений о различных методах познания.

Рассказ был впервые опубликован в журнале «Блэквуд» («Blackwood's Edinburgh Magazine») в 1859 г., но вскоре, в 1861 г., читателю была предложена сокращенная версия произведения, которая и стала печататься издателями впоследствии. Причиной переиздания послужило желание Булвер-Литтона использовать некоторые фрагменты из первой версии рассказа в другом произведении, романе «Странная история» («A Strange Story», 1862). В центре повествования находится типичный для жанра истории о привидениях локус – заброшенный дом с пугающими звуками и необъяснимыми видениями. В «классических» готических повествованиях пространство, населенное призраками, обычно выносится за пределы цивилизации и помещается вдали от больших городов. Булвер-Литтон, напротив, переносит

дом с привидениями в центр Лондона, что можно интерпретировать как призвание пересмотреть традиционное понимание соотношения сверхъестественного и обычного. Потустороннее встроено в повседневную жизнь человека.

При этом в рассказе Булвер-Литтона готический антураж изначально комически снижается. Так, в начале повествования друг рассказчика описывает снятый им ранее дом, который оказывается населенным призраками. Иронично, что героя удивляет не столько сверхъестественное, сколько тот факт, что его жена начинает высказываться разумно: «Самое тут поразительное, что я впервые в жизни послушался жены, хоть она женщина недалекая, и согласился, что невозможно, пробыв три ночи в этом доме, провести там и четвертую» [Bulwer-Lytton 1859: 224]. При этом снижение происходит еще и за счет постоянного обсуждения героями финансовой выгоды съема подобного жилища. Владелец дома обеспокоен наличием привидений в нем лишь потому, что такое место невозможно сдать в аренду на долгий срок, так как все потенциальные жильцы не задерживаются в доме дольше, чем на три дня. По этой причине хозяин дома терпит убытки, и поэтому он просит рассказчика исследовать природу странных явлений, приносящих ему финансовые убытки. Перенос акцента с мистики на материальные проблемы приводит к тому, что стоящие в центре готических повествований привидения в рассказе Булвер-Литтона словно отходят на второй план. Это частично похоже на распространенные в XIX в. пародии на готический роман, например «Нортенгерское аббатство» («Northanger Abbey», 1817) Дж. Остен (1775–1817) и «Аббатство Кошмаров» («Nightmare Abbey», 1818) Т.Л. Пикока (1785–1866), где «у героя открываются глаза на неожиданный факт, в результате чего всему пугающему находится простое логическое объяснение, и иллюзия действия сверхъестественных сил разрушается» [Халтрин-Халтурина 2019: 17].

Необычна и причина, по которой рассказчик решает провести ночь в доме с привидениями. Героем движет интерес исследователя. Рассказчик в начале произведения уверен, что каждому мистическому явлению можно дать научное обоснование: «Собственная моя теория сводится к тому, что сверхъестественного не бывает, и то, что называют таковым, не более чем природные закономерности, действия которых мы пока не знаем» [Bulwer-Lytton 1859: 230–231]. Следовательно, рассказчик здесь предстает приверженцем философии позитивизма, уверенным в возможности получения объективного знания. По мнению героя, в мире не существует и не может существовать необъяснимых явлений, так как абсолютно всё во вселенной подчинено естественным законам. Рассказчик в начале повествования полностью отрицает метафизику, стремясь провести научный анализ таких конкретных данных, как изменение температуры воздуха, плотность материальных объектов в комнатах и т. д.

Однако довольно быстро рассказчик вынужден признать несостоятельность позитивистского подхода, так как сталкивается с явлениями, для объяснения которых нужна качественно иная методология. Практически сразу по прибытии героя в дом происходит ряд традиционных для готических произведений сверхъестественных событий: рассказчик и его слуга слышат странный шорох и шепот, источник которых невозможно обнаружить, на полу появляются следы, мебель двигается, а двери между комнатами самостоятельно открываются и закрываются. Само наличие сверхъестественного типично для готической прозы, но совершенно не традиционной оказывается реакция рассказчика на представшие перед ним феномены. Происходящее скорее увлекает его, чем пугает. Он открыто при-

знается, что привидения интересны ему из-за желания объяснить мистическое, поставить определенный эксперимент: «Я был настроен на проверку своей теории, которая была скорее философской, нежели мистической. И могу заверить вас, что я был не менее спокоен и приготовлен к наблюдениям, нежели всякий экспериментатор, следящий за ходом редкого, хотя, возможно, и опасного химического опыта» [Bulwer-Lytton 1859: 231]. При этом герой утверждает, что будет делать выводы, исходя исключительно из собственного опыта, отчего для него и важно поселиться в доме самому, а не довольствоваться рассказами предыдущих жильцов. Установка на опыт и чувственное познание показывает, что повествователь изначально воспринимает эмпирическое познание как возможный метод решения вставшей перед ним философской проблемы. Герой Булвер-Литтона отказывается верить «предрассудкам фантазии», как он называет многочисленные слухи о происходящем в доме. Герои же традиционных готических повествований (например, «Замка Отранто» Уолпола или «Удольфских тайн» («The Mysteries of Udolpho», 1794; Э. Рэдклифф, 1764–1823) чаще ориентируются именно на местные легенды, старинные предания и мифы, не сомневаясь в их достоверности. Даже сами авторы готических произведений верили в сверхъестественное и часто утверждали, что «их сюжеты приходили к ним во сне и не только имели своей темой демоническое наваждение, но и были написаны под его влиянием» [Kilgour 1995: 22]. Соответственно, отличаются и способы героев противостоять враждебным силам. Если в готических произведениях персонажи в случае опасности стремятся прочесть молитву, а главным спасительным орудием против призраков считают Св. Писание, то повествователь Булвер-Литтона обращается к собранию эссе Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859), английского публициста и историка, констатирующего главенствующее значение партии вигов в развитии Англии: «Для чтения я избрал одно из эссе Маколея и решил взять его с собой. В стиле его столько здоровья, в сюжетах – столько деятельной жизни, что он послужит мне противоядием против капризов суеверного воображения» [Bulwer-Lytton 1859: 226]. С одной стороны, подобная переориентация выглядит слегка комично, так как в течение повествования герой внезапно обращается к эссе Маколея четыре раза именно в те моменты, когда ему нужно обрести душевное спокойствие, но, с другой стороны, тот факт, что для утешения рассказчику требуется не Библия, а политико-исторические сочинения, в очередной раз отмечает его сосредоточенность на объективном опыте.

К числу приемов, часто используемых в готических повествованиях, можно отнести гротеск. И люди, и предметы, и сверхъестественные феномены в готических повествованиях всегда изображены с акцентом на какой-либо странной особенности (это могут быть искаженные черты лица или конечности неправильной длины). Призраки тем более обладают неестественными чертами, а предметы неожиданно увеличиваются или уменьшаются в несколько раз. Чувства персонажей тоже описаны преувеличенно детально, чтобы читатель понял ужас героев и, возможно, сам испытал сходные эмоции. Восприятие героем мира напоминает состояние наркотического опьянения, в котором невозможно понять, что реально, а что – плод больного воображения, грозящего свести персонажа с ума. Безумие тоже интересно авторам готической традиции как пограничное состояние психики. С одной стороны, оно способно довести человека до полного физического и морального истощения, а с другой, способно помочь увидеть то, что недоступно

обыкновенным людям, – традиция, знакомая читателям еще со времен Шекспира и английской трагедии мести.

В рассказе Булвер-Литтона, однако, ситуация совсем иная. Читателю ничего не известно ни про внешность героя, ни про облик привидений. Даже чувства героя описаны подчеркнуто лаконично, несмотря на ситуацию, в которой тот находится. Рассказчик не испытывает страха (или, по крайней мере, пытается убедить в этом читателя), так как не может полностью понять сущность тревожащих его видений, что приводит к отказу верить в их существование: «Пока я не боюсь, мне ничего не угрожает. Мой разум отрицает страх. Это иллюзия, я не боюсь» [Bulwer-Lytton 1859: 232]. Нет и детального описания призраков, в то время как в традиционных готических повествованиях они часто имеют опознаваемую физическую оболочку и в качестве узнаваемых лиц постоянно вмешиваются в судьбы героев. У Булвер-Литтона же привидения описаны как нечто неопределенное, предстающее не то как человеческая фигура, не то как тень, не то как что-то незримое, но в то же время постоянно присутствующее рядом. На этом этапе оказывается, что и чувственный опыт не может дать исследователю удовлетворительных ответов на интересующие его вопросы, поэтому снова требуется смена философского подхода.

Рассказчик, рассуждая о природе привидений, сначала утверждает, что призрак лишь блеклый двойник мертвого человека, лишенный души: «Итак, нас более всего тут поражает (как и в самых достоверных рассказах о призраках и привидениях) отсутствие того, что мы сочли бы душой, иначе говоря, высшего, свободного разума. В явлениях призраков нет цели; придя, они почти не говорят, а когда все же говорят, то самое заурядное, как всякий обычный человек» [Bulwer-Lytton 1859: 236]. Такая трактовка значительно отличается от готической традиции, где призраки могут помнить произошедшее за несколько веков до описываемых событий, а также способны быстро перемещаться из одного места в другое. Все это дает им возможность знать больше, чем живые герои, отчего часто призраки служат для последних источниками важной информации, помогающей раскрыть тайну – еще один атрибут готической традиции. У Булвер-Литтона же привидения не обладают подобными возможностями и авторитетом. Это связано как с традиционной для Великобритании опорой на индивидуальный опыт, так и с установками викторианской культуры, не позволяющей сделать выводы о чем-либо до тех пор, пока исследователь не удостоверится в обоснованности самих методов, с помощью которых можно обозначить и затем решить проблему.

По мере того как рассказчик исследует дом, обнаруживается, что сверхъестественные события связаны с действиями медиума, способного вызывать призраков с помощью особого предмета. Такая развязка отсылает читателя к ключевому положению спиритуализма о возможности взаимодействия с загробным миром. «Медиумом считается человек, чье тело излучает особый вид магнетической энергии, которая, как полагают, является связующим звеном между разумом и материей» [Maskelyne 1876: 80]. Однако и это объяснение не представляется рассказчику исчерпывающим, потому что провоцирует новые сомнения касательно возможностей человеческого разума и его взаимодействия с материальными объектами.

Произведение оканчивается своеобразной гносеологической загадкой. Стремясь объяснить сверхъестественное с точки зрения науки, рассказчик вынужден признать, что исключительно материалистический подход не охватывает все аспекты человеческого бытия, отчего возникает необходимость в обращении к спиритуализму. Однако и спиритуализм, в свою очередь, не представляется са-

модостаточной философией. Весь рассказ оказывается интеллектуальной игрой, философским диалогом-головоломкой, попытка решить которую оставляет читателю больше вопросов, чем ответов.

Впрочем, в первой редакции финал был совершенно иным. Если в измененной версии 1861 г. рассказчик сжигает вещи владельца и тем самым снимает проклятие, то в версии 1859 г. повествователь после проделанных действий спустя некоторое время возвращается к дому, где встречается с первым его владельцем, мистером Ричардсом, старинный портрет которого герой видел в доме. Мистер Ричардс путем изучения месмеризма достигает вечной жизни, что очень похоже на сюжет романа «Странная история». В финале он вводит рассказчика в транс, после пробуждения из которого тот находит записку с обещанием мистера Ричардса прийти на могилу молодого человека, тем самым утверждая действенность своих методов продления жизни. Вероятно, Булвер-Литтон все же не стремится утвердить месмеризм в качестве единственной жизнеспособной практики, отчего и выпускает вторую редакцию рассказа, в которой финал остается открытым.

Итак, в рассказе «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» Булвер-Литтон отходит от канонов готической литературы, хотя и оставляет основные узнаваемые атрибуты этого жанра (мотив тайны, атмосфера ужаса, присутствие сверхъестественных сил). Писатель вписывает топосы готической традиции в контекст современных философских дискуссий и использует их для постановки вопросов о границах познания.

ЛИТЕРАТУРА

Соловьёва Н.А. У истоков английского романтизма. М.: МГУ, 1988. 232 с.

Халтрин-Халтурина Е.В. От готики к детективу (Джейн Остен и британские иронические расследования) // Поэтика зарубежного классического детектива: коллективный сборник. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 12–24.

Bulwer-Lytton E. On the Spirit in which New Theories Should Be Received // *Caxtoniana: A Series of Essays on Life, Literature, and Manners.* N.Y.: Harper, 1864. P. 137–143.

Bulwer-Lytton E. The Haunted and the Haunters: or, The House and the Brain // *Blackwood's Edinburgh magazine.* 1859. № 86. P. 224–245.

Kilgour M. The Rise of the Gothic Novel. L.: Routledge, 1995. 292 p.

Maskelyne J.N. Modern Spiritualism: A Short Account of Its Rise and Progress, with Some Exposures of So-called Spirit Media. Michigan: University of Michigan Library, 1876. 200 p.

REFERENCES

Bulwer-Lytton E. On the Spirit in which New Theories Should Be Received. In: *Caxtoniana: A Series of Essays on Life, Literature, and Manners.* N.Y. Harper Publ. 1864, pp. 137–143.

Bulwer-Lytton E. The Haunted and the Haunters: or, The House and the Brain. *Blackwood's Edinburgh magazine.* 1859. No 86, pp. 224–245.

Khaltrin-Khalturina E.V. From Gothic to Detective Fiction (Jane Austen and British Ironic Investigations). In: *The Poetics of Foreign Classic Detective Fiction: An Anthology.* Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Press. 2019, pp. 12–24.

Kilgour M. (1995) *The Rise of the Gothic Novel.* L. Routledge Publ. 292 p.

Maskelyne J.N. (1876) *Modern Spiritualism: A Short Account of Its Rise and Progress, with Some Exposures of So-called Spirit Media.* Michigan. University of Michigan Library. 200 p.

Solovyova N.A. (1988) At the Origins of English Romanticism. Moscow. Moscow State University Press. 232 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Евгеньевна Строк,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia Ye. Strok,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nastasya.strok@mail.ru